

С. О. Шмидт предложил «различать „вспомогательные исторические дисциплины“ и дисциплины, вспомогательные по отношению к исторической науке»⁷⁰ (сами по себе не являющиеся историческими). Иметь в виду такое различие, конечно, необходимо. Однако с делаемым отсюда выводом о том, что «„вспомогательными историческими дисциплинами“ являются лишь те дисциплины, которые возникли как отрасли именно исторической науки (или части ее — „источниковедения“) и обслуживают прежде всего историческую науку»,⁷¹ вряд ли можно согласиться. Прежде всего потому, что неисторические дисциплины уже входят в состав вспомогательных исторических, причем они не всегда возникли как отрасли исторической науки и обслуживают прежде всего ее (например, та же хронология). Можно предвидеть, что некоторые из неисторических дисциплин, на которые ныне источниковедение опирается лишь в отдельных случаях, со временем станут более полезными для исторической науки и получат ранг вспомогательных исторических дисциплин.

Н. Е. НОСОВ

АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА XVI в.

Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР завершает подготовку к изданию северных русских актов XVI в. Это результат большой многолетней поисковой работы, проведенной сотрудниками института¹ по обследованию архивохранилищ Москвы, Ленинграда и Архангельска в целях выявления новых актовых источников по истории Северной России конца XV—начала XVII в.² Одновременно был проведен учет всех ранее извест-

⁷⁰ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 24.

⁷¹ Там же.

¹ Работа проводилась И. З. Либерзон, Т. М. Новожиловой, А. П. Павловым и В. А. Сатаровым под руководством А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер и Н. Е. Носова. Особенно хочется отметить И. З. Либерзон, выполнившую наиболее значительную часть работы по выявлению, копированию и археографической подготовке актов к изданию.

² Были обследованы фонды, содержащие акты по социально-экономической истории Севера России XV—XVII вв., следующих архивохранилищ: Центрального государственного архива древних актов, Отдела письменных источников Государственного Исторического музея, Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центрального государственного исторического архива СССР, Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Рукописного отдела и Отдела редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописного отдела Библиотеки АН СССР,

ных северных актов, опубликованных как в многотомных актовых изданиях Археографической комиссии, касающихся всей России или только ее северных уездов, например «Акты Холмогорской и Устюжской епархий»³ и I и II тома «Сборника грамот Коллегии экономии»,⁴ так и в иных научных и краеведческих изданиях XIX—начала XX в., включая губернские и епархиальные ведомости, местные календари и др. Заново был просмотрен и актовый материал по Северной России конца XV—XVI в., вошедший в советские издания.⁵

В результате проведенного обследования было выявлено более 4000 ранее не публиковавшихся северных актов до 1605 г. (в значительной части неизвестных исследователям), из них более 3000 актов до 1584 г. и более 900 актов до 1551 г. Акты охватывают все основные районы русского Поморья XVI в., начиная от Кольского полуострова, Обонежья, Двинской земли, Мезени на севере и северо-западе и кончая Важской землей, Тотемским краем, Устюжскими и Усть-Вычегодскими землями на юге и юго-востоке.

Наиболее значительное число актов XVI в. удалось обнаружить в собраниях Антониево-Сийского (более 1200 ед.), Соловецкого (более 1000 ед.) и Кирилло-Белозерского (более 400 ед.) монастырей. Очень интересный актовый материал сохранился в собраниях Архангельского Михайло-Архангельского, Важского Богословского, Михайло-Архангельского Устюжского, Спасо-Каргопольского, Троицкого Гledenского, Никольского Корельского и Николаевского Чухченемского (в XVII в. приписанного к Троице-Сергиевскому) монастырей. В известной мере уникальный материал имеется в фондах приходских церквей, например Ухтоостровской волости, а также в известных Куростровских разрубках Архива ЛОИИ СССР. Из фондов частного вотчинного происхождения особое место занимают Строгановские акты XVI в.

Подавляющее большинство северных актов XVI в. касается земельных дел, а также вопросов податного обложения. Это по преимуществу частные акты, оформляющие различные земельные операции между черносошными крестьянами, а также между кре-

Библиотеки Географического общества СССР, Дрвлекранилища Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Государственного архива Архангельской области и Архангельского областного краеведческого музея.

³ Русская историческая библиотека (далее — РИБ), 1890, т. XII; 1894, т. XIV; 1908, т. XXV.

⁴ Сб. ГКЭ, т. I. Пб., 1922; т. II. Л., 1929; Указатели к первому и второму тому. Л., 1931.

⁵ Наиболее значительные из таких изданий: Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930; Сборник материалов по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949; АСЭИ, т. I. М., 1952; т. II. М., 1956; т. III. М., 1961. — Важные материалы по истории Северной России XVI в. были опубликованы в «Северном археографическом сборнике», издающемся с 1970 г. в Вологде Северным отделением Археографической комиссии АН СССР.

стьянами и монастырскими и церковными властями. Жалованных и указных грамот, выданных великокняжескими и царскими властями, сравнительно немного, во всяком случае значительно меньше, чем сохранившаяся переписка между правительством и местными властями, особенно монастырями, по тяглым делам. Не мало сохранилось среди дошедшего до нас северного актового материала XVI в. и материалов писцового дела — сотни, выписей из писцовых и окладных книг, оброчных грамот, отписок о раскладке и уплате налогов, выданных писцами, и т. д.

Наибольшую ценность из всех указанных материалов бесспорно представляют крестьянские частные акты, поскольку по центральным и западным районам России XVI в., где черная крестьянская волость фактически была «съедена» помещными и вотчинными землями уже к концу века, подобная документация сохранилась в ничтожном количестве. А после закрепощения бывших черносошных крестьян старые крестьянские поземельные частные акты утратили силу и были в своем большинстве уничтожены новыми землевладельцами, получавшими поместья по царским указам, а не в силу частных приобретений, как преимущественно северные монастыри или купцы-промышленники.

Все это и побуждает нас еще раз обратить внимание исследователей на северные акты — важнейший источник для изучения социального развития русской деревни XVI в. Иначе говоря, цель нашего сообщения — охарактеризовать, пока еще в самом предварительном плане, потенциальные возможности новых актовых источников по истории Северной России для дальнейшего изучения вопроса о социальном расслоении черносошного северного крестьянства XVI в. Одновременно мы хотим еще раз подтвердить свое мнение (имеем в виду наши исследования о двинском крестьянстве XVI в.) о необходимости всестороннего и максимально конкретного анализа актовых источников этого периода для изучения такой сложной проблемы, как социальное расслоение крестьянства. К этому побуждает нас тот факт, что все более активное применение в новейшей историографии по аграрной истории России XV—XVI вв. статистической обработки не только писцовых книг, но и публичных, и частных актов и создание на их базе социально-экономических моделей крестьянского хозяйства не всегда дает возможность проследить истоки, характер и динамику социальных процессов, происходящих в это время в русской деревне, в известной мере скрывая их за средними цифрами.

Несколько историографических замечаний. Уже в начале XX в., предприняв издание грамот Коллегии экономии и решив его начать с северных актов, тогдашние руководители Археологической комиссии в лице, в частности, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова и А. С. Лаппо-Давилевского (последний был непосредственным инициатором и руководителем издания) уже достаточно отчетливо представляли себе, какую большую научную ценность для изучения социально-экономической истории России

XV—XVII вв. имеют северные акты. Они были наименее известны исследователям того времени (актовые материалы этого же фонда по центральным уездам благодаря известным обзорам С. А. Шумакова, начавшим их публиковать еще в 90-х годах XIX в., уже в начале XX в. стали широко использоваться специалистами по социально-экономической истории России), а главное — по своему характеру представляли собой преимущественно не публичные, а частные акты и уже в силу этого в значительно большей степени, чем первые, несли на себе живые следы хозяйственного и социального народного быта, быта русского крестьянства. В то же время самого А. С. Лаппо-Данилевского частный акт интересовал особо в связи с проводимой им разработкой источниковедческой методики формализации (в математическом плане) актового материала. Подобные работы по разработке «системного метода», как обычно его именуют в современном актовом источниковедении, стали проводиться А. С. Лаппо-Данилевским почти одновременно с подготовкой издания грамот Коллегии экономии в его университетском семинарии (а потом в кружке учеников) по составлению сводного каталога русского частного акта XV—XVIII вв.

В основу подготовленного под руководством А. С. Лаппо-Данилевского «Сборника грамот Коллегии экономии» (т. I—II) был положен в соответствии с его научными замыслами территориально-хронологический принцип: все северные акты были отобраны из различных монастырских и церковных собраний «восстановленного» издателями фонда Грамот Коллегии экономии XVIII в. и расположены в хронологическом порядке по северным уездам. «Таким образом, при публикации „Грамот Коллегии Экономии“ искусственно разрывались исторически сложившиеся фонды».⁶ Все иные северные акты XV—XVII вв., даже общего происхождения с публикуемыми, но не переданные в XVIII в. из тех или иных монастырей или духовных собраний в Коллегию экономии, в издание не были включены. Эти принципы были проведены А. С. Лаппо-Данилевским исключительно последовательно и жестко. По существу каждый акт подвергался специальной экспертизе на предмет его отношения к фонду Грамот Коллегии экономии.

Новая, предпринимаемая ЛОИИ СССР публикация северных актов XVI в., как и изданные под руководством академиков Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского и Л. В. Черепнина «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», построена на иных принципах и будет носить строго фондовый характер, определяемый их принадлежностью к тем или иным актовым собраниям XV—XVII вв. (исключения неизбежны лишь для актовой «россыпи», в источниковедческом плане «неясного» происхождения и места хранения). Издание будет начато с публикации

⁶ АСЭИ, т. I, От редакции, с. 3.

актов Соловецкого монастыря, актовые собрания которого за XVI в. фактически никогда не публиковались (изданы лишь отдельные акты).

Все изложенное дает основание поставить в порядке дискуссии ряд общих вопросов аграрной истории феодальной России, которые неизбежно встанут перед исследователями (как в плане проверки и развития уже имеющихся точек зрения, так и выдвижения иных трактовок) по мере введения в широкий научный оборот новых актовых материалов по истории Русского Севера XVI в.

Что касается самой проблемы — изучения социального расслоения в северной деревне XVI в., то она, как известно, уже достаточно прочно вошла в историографию.

Над изучением аграрной истории Русского Севера XVI и особенно XVII в. советские ученые работали много и плодотворно. Это нашло свое отражение в появлении в 50—70-х годах ряда специальных работ, монографий и статей, непосредственно касающихся вопросов социального расслоения в русской северной деревне этого периода. Мы имеем в виду исследования Ю. С. Васильева, П. А. Колесникова, А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носова, Э. А. Огризко, Н. Н. Покровского, А. А. Преображенского, Н. В. Устюгова, А. Л. Шапиро.⁷ Появились и крупные

⁷ Васильев Ю. С. 1) Феодальное землевладение на Ваге. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971; 2) Каргопольский уезд. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978; 3) Важский уезд. — Там же; Колесников П. А. 1) Северная Русь. Вологда, 1971; 2) Северная деревня в XV—первой половине XIX века. Вологда, 1976; Копанев А. И. 1) Двина в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971; 2) Северная Двина. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978; 3) Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; Мюллер Р. Б. 1) Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947; 2) Заонежские погосты Обонежской пятины. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971; 3) Лопские погосты. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978; Носов Н. Е. 1) Становление сословно-представительных учреждений в России. Исследования о Земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; 2) О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972; 3) Talonpoikaisten maanomistuksen ongelmia Pohjois-Venäjällä 1400- ja 1500-luvulla. — Turun Historiallinen Arkisto, 32. Turku, 1978; Огризко Э. А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968; Покровский Н. Н. 1) Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI—XIX вв.). Новосибирск, 1968; 2) Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972; Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни в XVII в. — История СССР, 1961, № 6; Шапиро А. Л. 1) Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977; 2) Земельные наделы в повгородских пятинах и

коллективные труды по аграрной истории Русского Севера XV—XVII вв. Отметим, в частности, «Аграрную историю Северо-Запада России XVI века. (Север—Псков)», подготовленную ленинградскими историками-аграрниками под руководством А. Л. Шапиро и вышедшую из печати в 1978 г. Большая исследовательская работа по изучению северной деревни проводится Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Севера России и Северным отделением Археографической комиссии АН СССР.⁸

Все это дает возможность уже сейчас подвести известные итоги изучения проблемы социального расслоения в русской северной деревне XVI в. Для большей конкретности предметом своих непосредственных наблюдений мы берем Двинскую землю, как наиболее развитый в экономическом и социальном отношениях район русского Поморья XVI в.

Несколько предварительных замечаний.

В XIV—XV вв. Двинская земля, входившая тогда в состав Новгородской боярской республики, была районом активной крестьянской земледельческой колонизации, продвигавшейся сюда как с собственно новгородских земель, так и с верховий Волги — из замосковских городов.

Подвинье — край богатейших рыбных и пушных промыслов, а с конца XV в. и активно развивающегося поморского солеварения. И в то же время это был край особой и весьма специфической социальной судьбы. Дело в том, что после присоединения в 1472—1478 гг. новгородских земель к Москве и включения всех бывших новгородских поморских колоний в состав Русского централизованного государства в жизни Подвинья происходят весьма серьезные изменения. Мы имеем в виду конфискацию Иваном III двинских владений новгородского боярства и превращение бывших боярских вотчин в черносотные (государственные) волости, а проживающих на них крестьян — в свободных государственных тягловцев. Что касается мелких двинских вотчинников («двинских бояр»), проживавших по черным волостям, да и вышедших

в Поморье. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978; 3) Обложение крестьян и их материальное положение в новгородских пятинах и Поморье. — Там же. Общую характеристику русской и советской, особенно новейшей, историографии по аграрной истории Северной России XVI—XVII вв. см.: Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистических эпох в дореволюционной и советской историографии. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв. Учебное пособие по спецкурсу. Пермский университет. Сыктывкар, 1979, приложение.

⁸ Исследования и публикации по аграрной истории Северной России XV—XVII вв., проводимые указанными проблемными научными советами, опубликованы в изданиях: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973; Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. вып. 1. Вологда, 1976; Ежегодник по аграрной истории (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976.

в прошлом из крестьянской среды, то они, хотя и сохранили, как правило, свои владения — земли и промыслы, особенно в низовьях Двины, но снова по своему, теперь уже московскому, социально-правовому статусу возвращаются в крестьянское сословие. Уже во время первых московских описаний Двинской земли в конце XV—начале XVI в. московские писцы активно проводят расфеодаливание двинских бояр, лишая их податных и социальных привилегий и приравнивая их земли к землям черносошных крестьян. Сами же «своеземцы», как именуются теперь в правительственных актах бывшие двинские бояре, уже в середине XVI в., по существу, сливаются с основной массой волостных крестьян-богатеев.

Значительную роль в Подвинье играло монастырское землевладение, но даже в XVI в. оно явно уступало крестьянскому черносошному землевладению, и только с конца XVI—начала XVII в. можно говорить об активном наступлении северных монастырей на черносошный крестьянский мир. Служилого же помещного землевладения на столь отдаленных от центра поморских землях никогда не было, да и суровая природа, и скудность пахотных земель не создавали здесь необходимых условий для развития барщинного помещного хозяйства. Все это обусловило то, что на рубеже XV—XVI вв. Подвинье предстает перед нами как край почти сплошного свободного крестьянского землевладения, не знающий ни помещной системы, ни крепостничества, утвердившегося в центральной России в конце XVI в.

Именно поэтому изучение судеб северного крестьянства, его развития и социальной эволюции по сохранившимся двинским актам XVI—XVII вв. представляет особый интерес, оно дает возможность проследить эти процессы, как бы сказать, на очищенной почве черной крестьянской волости, а главное — вне зарождающейся в России помещно-крепостнической системы.

Рассмотрим некоторые из названных проблем.

Двинская деревня и ее поземельная структура. Дошедшие до нас акты источники XVI—начала XVII в. наглядно показывают, что господствующим типом сельских поселений в Подвинье была малая деревня. По данным писцовых книг 20-х годов XVII в., в Двинской земле (включая Пинегу и Мезень) было 1578 деревень. Преобладали деревни в один-два, реже три-четыре двора. Деревень с 10 и более дворами почти не было. Только на Мезени имелись отдельные большие деревни по 20—30 и даже 60 дворов. Но еще больше было число однодворных деревень на Двине в предшествующий период. Судя по дошедшим до нас описаниям ряда двинских станов и волостей середины XVI в. (писцовые книги большинства двинских земель за эти годы не сохранились), однодворные деревни составляли в них еще около половины всех сельских поселений и лишь к концу века их число стало резко сокращаться.⁹ Укрупнение деревень, связанное пре-

⁹ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 117—118.

имущественно с ростом населения и интенсивным экономическим развитием края в XVI в., имело существенные последствия для судеб черносошного крестьянства и особенного его социального развития.

Интересные наблюдения можно сделать и при сопоставлении роста дворности деревни с изменениями в населенности отдельного крестьянского двора как основной хозяйственной ячейки того времени. Так, в двинских писцовых книгах XVI—начала XVII в. (от XVI в. они сохранились, правда, лишь по отдельным волостям) на Двине в каждом крестьянском дворе записан один и только в редких случаях два или несколько взрослых мужчин, обозначенных обычно термином «люди». В среднем на крестьянский двор приходилось «людей»: по сотной Емецкого стана 1552—1553 гг. — 1.2; по сотным 1586—1587 гг. на Калеский стан и на вотчины Антониева-Сийского, Архангельского и Николо-Корельского монастырей — 1.35; по писцовым книгам всего Двинского уезда 1622—1623 гг. — 1.7. Имеются данные и о родственных отношениях «людей», проживающих в одном доме. Из тех же писцовых книг видно, что и для середины XVI в., и для начала XVII в. примерно две трети дворов имели одного хозяина (главу семьи) и только одну треть составляли семьи из двух и больше взрослых женатых мужчин — отец с сыновьями или семьи братьев, сложные же семьи, состоящие из различных родственников, встречаются в единичных случаях.¹⁰ Последнее явно говорит о разделении крестьянской семьи: во-первых, выселение в отдельные дворы взрослых женатых сыновей, а также раздел имущества и расселение братьев, племянников и иных родственников, создание ими своих дворов и деревень было в XVI—XVII вв. явлением типичным и, видимо, широко распространенным на двинских землях еще в новгородское время; во-вторых, появление и рост в XVI в. многодворных деревень — это не признак сохранения на Двине неразделенной крестьянской семьи как единого производственного коллектива, а, наоборот, свидетельство ее интенсивного хозяйственного дробления и расселения малых крестьянских семей по отдельным дворам. Иначе говоря, многодворная двинская деревня XVI в. — это не семейная производственная коммуна, а соседская хозяйственная кооперация самостоятельных дворохозяйств. И именно это определяет ее дальнейшую эволюцию.

Указанные особенности двинской деревни XVI в. определяли ее поземельную структуру, на которой явно видны следы уже происшедшего еще в новгородский период перехода от большой к разделенной или малой крестьянской семье. Так, в многодворных деревнях Подвинья (такие деревни возникают, как мы уже отмечали, в основном с середины XVI в.) земли каждого двора обычно располагались не компактно в виде отдельных полей и

¹⁰ Там же, с. 119—121.

угодий, а полосами, вперемежку с владениями других дворохозяев деревни, как правило, являющимися между собою близкими или отдаленными родственниками. Подобная чересполосица объяснялась хозяйственными потребностями, поскольку при резком различии деревенских земель по качеству и удобству эксплуатации только подобное дробление полей, когда каждый крестьянин получал в каждом поле свою долю, обеспечивало примерное равенство в землепользовании между всеми дворохозяевами деревни. По волостным «веревным книгам» первой половины XVII в., ведшимся самими крестьянами для учета и раскладки податей («веревные книги» XVI в. до нас, к сожалению, не дошли),¹¹ в двинских деревнях числилось обычно по 10—20, а иногда и более разнокачественных полей и угодий, на которых находились владения (земельные участки) дворохозяев многодворных деревень. И даже более. Нередки случаи, когда земли соседних деревень, в том числе и однодворных, тоже располагались между собой вперемежку в зависимости от их качества и условий обработки.

Под влиянием этих фактов известная исследовательница аграрной истории Русского Севера А. Я. Ефименко выдвинула концепцию о существовании в Подвинье в XVI—XVII вв. «долевой деревни» как формы коллективного хозяйствования большой крестьянской семьи («печица»)¹² Ефименко полагает, что многодворные поморские деревни XVI в., как в прошлом и малые крестьянские волостки (обицины), состоявшие из нескольких, преимущественно однодворных, деревень, были собщешностью больших семей и находились лишь в долевом владении у входивших в них малых семей. Думаем, что в свете уже приведенных данных о распаде больших крестьянских семей на Двине еще до XVI в. правильнее характеризовать поземельную структуру двинской деревни этого периода как форму крестьянской хозяйственной соседской кооперации, основанной уже на частном индивидуальном хозяйстве и частной земельной собственности, но сохранившей еще глубокие следы первоначальных семейно-общинных производственных отношений, которые в суровых природно-географи-

¹¹ К о п а п е в А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976, с. 191—209.

¹² Е ф и м е н к о А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — В кн.: Е ф и м е н к о А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, Обычное право. М., 1884. — Ср. характеристику крестьянских северных поземельных союзов и переделов в исследованиях П. И. Иванова «Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в.» («Древности». Труды Археограф. комиссии Моск. археограф. об-ва, 1902, т. 2, вып. 2) и М. А. Островской «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв.» (СПб., 1913). В монографии «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (с. 124—128) А. И. Копанев решительно выступает против концепции северной «долевой деревни» Ефименко, считая ее глубоко ошибочной и полностью не соответствующей действительности. Нам представляется, что оба автора (А. Я. Ефименко и А. И. Копанев) занимают излишне крайние позиции.

ческих условиях Русского Севера оказались особенно стойкими и даже в известной мере необходимыми.

Неравенство в распределении черных крестьянских земель. Двинские крестьяне-богатеи. Общий экономический подъем, который переживают Двинские земли на рубеже XV—XVI вв., успехи земледелия, скотоводства, промыслов, главным образом рыболовства и солеварения, усиление связей Подвинья после его окончательного присоединения к Москве с центральными районами страны, особенно верхневолжскими городами, откуда поступает в двинские низовские волости более дешевый хлеб и куда везут двинским водным путем поморскую красную рыбу, пушнину, соль, способствуют не только развитию здесь городской и сельской торговли и ремесла, но и оказывают большое влияние на социальные судьбы двинской черносошной деревни, в первую очередь на развитие крестьянской земельной собственности.

И действительно, как ясно показывают многие сотни дошедших до нас частных крестьянских актов, уже в начале XVI в. именно земля становится предметом самых различных имущественных сделок между крестьянами. Дробность же крестьянских владений, ставшая в XVI в. характерной чертой всего деревенского землевладения, создает для этого и условия, и повод. Купля, продажа, обмен, заклад участков, полос и даже лоскутов земли черными крестьянами, проживающими в одной или соседних деревнях, — типичная картина жизни двинских черных и оброчных волостей XVI в., которая совершенно четко фиксируется актовым материалом. Но именно купля и продажа приводят к существенным изменениям в распределении земель между черносошным крестьянством, к обогащению одних за счет разорения других. В деревне все чаще появляются многоземельные и малоземельные крестьянские семьи, растет имущественная дифференциация.

Характерно, и об этом тоже свидетельствуют северные акты XVI в., что этот процесс в какой-то степени совпадает по времени с окончательным юридическим оформлением крестьянской частной собственности на землю. Речь идет о черносошном крестьянстве, а также о крестьянах великокняжеских оброчных волостей, которые по своему социально-правовому положению уже в середине XVI в. фактически сливаются с первыми в единую категорию государственных крестьян.

Так, если в Судебниках 1497 и 1550 гг. мы не находим еще специальных законодательных постановлений, регулирующих земельные права свободного волостного крестьянства, хотя и можно полагать, что общие нормы вотчинного обычного права уже тогда распространялись на находящиеся в его владении земельные участки, то уже в законодательстве конца XVI в. земельные права волостных крестьян определены совершенно четко. Так, в 165-й статье Судебника 1589 г., нормы которого непосредственно регулировали земельные отношения среди черносошного крестьянства Севера России, прямо указывалось, что «кто после живота

своего (после смерти. — *Н. Н.*) отпишет деревню детям, то им водчина ввек (навечно. — *Н. Н.*)». Если же завещание отсутствовало, то, по Судебнику (ст. 190), деревня переходила сыновьям крестьянина, а если сыновей не было, все имущество и земли — дочерям, и только при отсутствии дочерей наследниками выступали ближайшие родственники по отцовской или материнской линии.¹³ Эти земельные права черносошных крестьян, зафиксированные актовыми источниками, по существу ничем не отличались от подобных же прав двинских «своеземцев», с той только разницей, что последние обладали ими еще в новгородский период, когда они имели и политические права, и свой вневолостной социальный статус, а черные крестьяне окончательно приобрели их, видимо, лишь в XVI в., когда образовали сословие государственных крестьян.

Мы специально подчеркиваем факт юридического признания в XVI в. мелкой крестьянской земельной собственности, принадлежащей государственным крестьянам, как собственности наследственной, неограниченной и не сопровождающейся политическими льготами, т. е. собственности в своей основе не феодальной, так как для понимания всего хода имущественного и социального расслоения в двинской деревне XVI—XVII вв. он имеет определяющее значение, поскольку создает правовые условия для развития крестьянского землевладения и хозяйства по буржуазному пути, если бы, конечно, такой путь был возможен в условиях утвердившегося в России в конце XVI в. самодержавно-крепостнического строя. Но это уже иной вопрос.

Итак, главным свидетельством развивающегося имущественного неравенства среди двинского черносошного крестьянства XVI—XVII вв. является неравенство земельное. Оно возникло еще в новгородский период и уже к XVI в., как показывают дошедшие до нас актовые источники, в нем заметны черты перерастания в неравенство социальное. Степень земельного неравенства среди двинского крестьянства XVI в. была очень значительной.

По подсчетам А. И. Копанева, сделанным на основании дошедших до нас писцовых книг XVI в., можно заключить, что в 50—

¹³ Развернутая характеристика законодательного закрепления в XVI в. владельческих прав черносошных крестьян на землю дается в исследовании А. И. Копанева «Законодательство о черном крепостном землевладении XVI—XVII вв.» (В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 125—132).

Что касается вопроса об отношении к черносошному землевладению правительственной администрации, то мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые не считают великого московского князя в XV—XVI вв. верховным собственником черносошных земель. Д. П. Маковский прав, когда пишет, что «черная земля была подвластна великому князю, царю, только в судебном, полицейском и податном отношениях. Великий князь занимался черной землей не как собственник ее, а как представитель власти, государства» (Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963, с. 252).

60-х годах средняя норма крестьянского надела на двор на черных и монастырских землях составляла в Двинской земле около 4 десятин, но уже к концу века снизилась до 3 десятин, а по отдельным волостям даже до 1.5 десятины. Но средние цифры не отражают реальную картину крестьянского землевладения на Двине.¹⁴ На самом же деле, по данным тех же писцовых книг, здесь почти повсеместно наблюдаются огромные колебания в обеспечении крестьянского двора землей. В двинских волостях, по которым сохранились писцовые данные, например Емецкому стану, Курострову, Лодье, и на это обращает внимание А. И. Копанев, от 40 до 60% крестьянских дворов имели наделы меньше указанной нормы, в то время как почти в каждой волости были крестьяне-богатеи, владевшие земельными угодьями, во много раз превосходившими средний размер надела.¹⁵

Так, по данным сотной грамоты Емецкого стана 1552—1553 г., средняя обеспеченность двора землей в каждой из 12 описанных волостей колебалась от 2 до 10 десятин.¹⁶

Еще большие различия в земельном обеспечении крестьян можно проследить по «веревным» книгам Куростровской волости, расположенной под Холмогорами. По имеющимся у нас данным на 1584 г., только у небольшой группы волощан — 39 человек, названных в сохранившейся части разрубного списка, положенные на них поземельные платежи колебались от 191.5 до 3.5 денег, что выражало различия в наделах от 19 (32 десятин) до $\frac{1}{3}$ (0.6 десятин) веревки. Значит, даже у столь небольшой группы крестьян зафиксировано огромное земельное неравенство — почти в 50 раз.¹⁷

Наглядную картину земельного неравенства дает и куростровский разруб 1589 г., в котором названо 126 волощан-дворохозяев примерно из 200, бывших в то время в волости. Оказывается, что из них 50 дворохозяев (40%) имели пашни по 2 десятины и меньше, 53 — от 3 до 5 десятин, 16 — от 6 до 9 десятин и 7 — от 10 до 20 десятин. Если же проанализировать эти данные более подробно, то окажется, что из числа малоземельных волощан многие имели настолько мизерные земельные участки (например, по 0.5—0.6 десятины), что, по существу, стояли на грани почти полного обезземеливания. Да и вообще около половины волощан из-за малоземелья, вероятно, не могло удовлетворить свои потреб-

¹⁴ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 146.

¹⁵ Там же, с. 148—152.

¹⁶ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 449—450.

¹⁷ Копанев А. И. 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 152; 2) Куростровские столбцы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970, № 9, 10, 13.

ности от хлебопашества и нуждалось в дополнительных доходах от промыслов или от приработков в чужих хозяйствах. В то же время 7 куростровских богатеев владели почти четвертой частью всех волостных земель, которую они вряд ли могли обрабатывать силами своей семьи, без посторонней помощи из числа, всего вероятнее, своих же соседей — волостной бедноты.¹⁸

Что такое положение было не только в Куростровской волости, как волости околородной, видно на примере Лодьмы, сравнительно небогатой и небольшой волости, расположенной в глубинке — в низовьях Двины (в Терпиловом стане).

По волостному разрубу 1549/50 г., стоимость имущества 14 лодомских крестьян-богатеев оказалась почти в 5.5 раза выше стоимости имущества всех остальных волощан, составлявших 60% их общего числа. Указанная имущественная дифференциация и в Лодье базировалась в первую очередь на земельном неравенстве в пользовании волостными землями. Так, например, две семьи лодомских богатеев — три брата Савиных и Иван Семенов — имели соответственно 35 (на троих) и 40 десятин земли, в то время как деревенская беднота владела земельными участками в 1.5—3 десятины. Имелись в Лодье и безземельные крестьяне — «подворники», которые жили во дворах богатых крестьян и за которых те платили налоги — «платили вси и со своими подворники», как указывают волостные разрубы. В ряде зажиточных дворов таких «подворников» было до трех-четырех.¹⁹

Приведенные факты (они полностью согласуются с данными частных крестьянских актов) наглядно показывают, что к середине XVI в. имущественная и особенно земельная дифференциация среди черносошного крестьянства на Двине зашла настолько далеко, что перерастает уже в социальную: в двинских волостях образуются хозяйства крестьян-богатеев, имеющих в своих руках очень значительные земли и, естественно, не имеющих возможности обрабатывать их без посторонней помощи, и крестьяне-бедняки, которые не могли на своих участках прокормить свою семью, и их дети нередко шли в половники или наймиты к богатым крестьянам. Многие же волостные крестьяне, которые поименованы в куростровских разрубках «пешками» (безлошадниками), видимо, вообще уже не имели своих земель и дворов и были вынуждены проживать во дворах богатых крестьян в качестве работников — «подворников» или «захребетников». Что касается крестьян-средняков, то довольно быстро, особенно в волостях, расположенных в низовьях Двины, они теряют свое эконо-

¹⁸ Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в., с. 154.

¹⁹ Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968, с. 236—240.

мическое влияние и в значительной части превращаются в волостную бедноту.

Этот процесс применительно к XVI—XVII вв. нельзя характеризовать иначе, как социальное расслоение двинской деревни.

Но как и откуда образовались в двинской деревне столь зажиточные черные крестьяне, которые смогли скупить или получить иным путем (например, через денежную кабалу) земли своих соседей-волощан, создав себе вотчины и промысловые фактории? И произошло это за какие-нибудь 50—60 лет, если считать от присоединения Двинской земли к Москве в 70-х годах XV в. и проведения здесь, так сказать, «черного передела» до середины XVI в., когда московские писцы уже зафиксировали результаты этого процесса, а равно и новое устройство (земское и социальное) двинской черной волости.

Этот вопрос очень сложный. Однозначный ответ на него невозможен, и это тоже наглядно показывают северные акты XVI в.

Думаю, что процесс накопления в крестьянских хозяйствах начался еще в новгородское время и шел различными путями. И хотя для основной массы двинского крестьянства XV—XVI вв. главным источником доходов все же оставалось земледелие и скотоводство — разведение крупного рогатого скота, очень большую роль в северном крестьянском хозяйстве играли и различные промыслы, особенно охота и рыболовство, которые создавали условия для получения в деревне материальных излишков, а следовательно, и для развития деревенской торговли.

Об излишках хлеба у зажиточных крестьян свидетельствуют даже такие источники, как крестьянские духовные грамоты, показывающие, что торговля хлебом и хлебный заем под проценты были широко распространены в северной деревне XVI в.

Ограничимся одним очень характерным в этом отношении примером, касающимся двинского крестьянина средней руки. Мы имеем в виду холмогорского околопосадского человека Ивана Ярыгу, духовная которого от 1568 г. есть в нашем распоряжении. Из нее видно, что «животы» (земли и имущество) Ярыги состояли из деревень, частью которых он в прошлом владел вместе с братом, коней, коров, мелкого скота, хлеба. Имел он и наличные деньги, но, судя по духовной, немного. В то же время он отдавал в заем и активно продавал жито. Это дает основание полагать, что деревенское хозяйство Ярыги носило по преимуществу товарный характер, а сам он весьма похож на того «доброго» человека 52-й статьи Судебника 1589 г. (социального типа!), который характеризуется как «добрый крестьянин, который торгует или деньги и рожь взаимы дает».²⁰

Как показывает актовый материал, таких «добрых крестьян» среди двинских черных крестьян XVI в. было не мало.

²⁰ РИБ, т. XIV, с. 79—83; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 280.

Примером складывания сравнительно крупного крестьянского хозяйства может служить деятельность лодомских крестьян Прощельгиных. В начале XVI в., как показывают их купчие на землю, Прощельгины активно скупали у своих соседей различные участки земли, угодья и даже целые деревни. Так, в 1504 г. Лука и Исак Прощельгины купили у своего богатого соседа, своеземца Александра Макарова, две половины двух его деревень со всеми жилыми и скотными дворами, пашнями, лугами, рыбными и птичьими ловлями, а также иными «всякими угодьями», «где ни буди на Лодьми, што делали его (Макарова. — Н. Н.) половники ис тих деревень», а потом с 1518 по 1530 г. Лука Прощельгин уже с сыновьями проводит целую земельную операцию по присоединению к своим немалым владениям деревни своих соседей-крестьян Андреева и Нефедьевых. Последние заложили им свои деревенские земли (тоже бывшую куплю), попали в денежную кабалу и в конце концов лишились своих владений. Дело было конфликтное, сложное, но выиграли его Прощельгины только потому, как писали об этом в своих челобитных на имя двинских властей бывшие владельцы деревни, что «оне (Прощельгины) люди сильные и от приставов... откупались».²¹

Мы привели последний пример не случайно. Он крайне характерен. Общий просмотр дошедших до нас крестьянских купчих грамот на землю XVI в., а их сохранилось более 1000, показывает, что очень часто приобретению богатыми крестьянами земель своих более бедных соседей предшествовал «заклад» последними своих деревень в денежную кабалу под проценты, иначе говоря, попадание их в прямую финансовую зависимость от волостных «лучших людей».

Существенную роль в сколачивании крупных крестьянских капиталов играло на Двине приобщение богатых крестьян нижнедвинских волостей к соляному промыслу, центрами которых являлись Уна и Ненокса. Расцвет крестьянского соляного промысла на Двине падает как раз на середину XVI в., с конца же века наблюдаются постепенный упадок и сосредоточение поморских соляных промыслов в руках купечества и монастырей.

Данные о разработке крестьянскими товариществами (складниками) соляных ключей в северных актах XVI в. довольно часты. В двинской Платежной книге 1560 г. перечислено 175 солепромышленников, обычно владевших соляными варницами на паях, подавляющее число из них составляли волостные черные крестьяне — «лучшие люди».²² В солеварении они обычно участвовали целыми семьями — с братьями, детьми и племянниками, как совладельцы определенных долей (паев) в соляных колодцах и варницах.

²¹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 251, 258—260, 271, 278, 324.

²² Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 174—175.

Именно среди крестьян-солеваров, которые в XVI в. обычно не порывали с земледелием и отнюдь не выходили из черных волостей, где были их деревни, мы встречаем иногда очень богатых людей.

Так, в 1555 г. двинский низовский крестьянин и ненокский солевар Григорий Кологривов оставил своим четырем сыновьям огромное наследство, которое состояло из большого числа деревень, пашен, угодий (в основном прикупных), а также соляных варниц в Уне и Неноксе. Судя по его духовной, это имущество оценивалось на сумму более 2800 руб., а надо иметь в виду, что каждый из его сыновей имел еще свои (личные) «прикупные земли и пожни». Указанная сумма по тому времени огромна. Во всяком случае общая оценочная стоимость крестьянских «животов» (земли и имущества) Куростровской волости, по данным волостного разрубного списка 1584 г., составляла 1759 руб., т. е. была на 1000 руб. меньше стоимости имущества Григория Кологривова.²³

Конечно, столь богатых крестьян-промышленников было на Двине XVI в. не так много, но это не были единицы. Думаем, однако, что их появление было своеобразным стимулятором социального расслоения в двинской деревне XVI в., придавшим этому процессу столь радикальные и необычные для общего аграрного развития России этого периода формы.

Во всяком случае двинская деревня в XVI в. явно развивалась по пути товаризации сельскохозяйственного производства и активного выделения из своей среды богатых крестьян-промышленников и купцов, что видно хотя бы из такого факта. Когда в 1587 г. в устье Двины был поставлен «новый город» — Архангельск, то по царскому указу в него было переведено 26 купеческих «товариществ» из 6 двинских посадов и 26 черных волостей. Всего было переведено 133 черных торговых мужика.²⁴ И именно то, что подавляющее большинство из них составляли черные волостные крестьяне, призванные правительством в городское купечество, которое должно было «на встрече у нового города» торговать с «заморскими купцами», ясно говорит и о размерах отмеченного выше процесса и о его конечных результатах.

Двинские своеземцы и черная волость. Весьма существенным фактором, влиявшим на рост социальной дифференциации в двинской деревне XVI в., являлся и процесс расфеодаливания (в значительной степени насильственного со стороны московского правительства) бывших двинских бояр и превращения их сперва про-

²³ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 271, 273, 274, 277—279, 315, 320, 342, 344, 355. — Подробнее о деятельности Кологривовых см. в исследовании Е. И. Заозерской «У истоков крупного производства русской промышленности XVI—XVII веков» (М., 1970, с. 115, 119—121, 125, 126, 131).

²⁴ Крестинин В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, с. 162—165, 168—175; Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий... с. 266—267.

сто в вотчинников-своеземцев, а потом и в черносошных крестьян, но не в обычных, а, как бы сказать, в крестьянскую знать — «лучших волостных мужей».

На эти факты в историографии уже давно обратили внимание С. Ф. Платонов и С. В. Рождественский,²⁵ но только благодаря последним советским исследованиям (работы А. И. Копанева, Н. Е. Носова, Н. Н. Покровского и Ю. С. Васильева)²⁶ стали более или менее ясными основные особенности этого весьма редкого и своеобразного социально-экономического явления. Мы уже говорили об общих причинах, вызвавших подобную социальную перестройку двинской деревни, и влиянии на сближение своеземцев с черносошным крестьянством событий, связанных с присоединением Двинской земли к Москве в конце XV в. Завершился этот процесс уже в середине XVI в., когда земли «своеземцев» в административном и податном отношениях окончательно сливаются с черными крестьянскими землями, а сами они начинают именоваться просто «лучшими» волостными людьми. Правда, подобное слияние не было однозначным. Если основная масса «своеземцев» потеряла свои вотчины еще в конце XV в. (во время первых московских переписей и земельных конфискаций), то ряд наиболее богатых из них, особенно из числа бывших низовских бояр и промышленников, не только не утратили своих земель, промыслов и соляных варниц, но и вошли в качестве их полноправных собственников в черную волость, и не просто вошли, а стали играть в ней первостепенную роль. Имеющиеся в нашем распоряжении актовые источники наглядно показывают, что именно бывшие своеземцы зачастую являются волостными крестьянскими старостами, соцкими, волостными судьями, денежными сборщиками, а также занимают иные выборные земские должности в органах двинского волостного самоуправления XVI—начала XVII в. Особенно это проявилось в годы земской реформы Ивана Грозного 50-х годов, ликвидировавшей институт наместников и передавшей власть на местах в руки двинских земских старост, избравшихся из числа наиболее зажиточных черных людей — крестьян и посажан.

По актовым источникам XVI в. можно выявить целые семейные кланы таких волостных крестьянских богатеев, бывших свое-

²⁵ Платонов С. Ф. 1) Прошлое Русского Севера. Пгр., 1923; 2) Проблема Русского Севера в новейшей историографии. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг., вып. 35. Л., 1929; Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. — Изв. АН СССР, VII серия, Отд. гуманитар. наук, Л., 1929, № 1—2.

²⁶ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 70—110; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 240—283; Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV—начала XVI в., с. 148—217; Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XV вв. — В кн.: Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. 1. Вологда, 1976.

земцев. Это, например, Амосовы, Шуйгины, Емецкие, Молодые Бояре, Лентьевы. Насколько они были зажиточны, видно на примере земельных владений Амосовых и Шуйгиных. Так, согласно дошедшей до нас «дельной грамоте» 1527 г., пяти братьям Амосовым в Соломбале, а также в соседних низовских волостях принадлежало более 15 деревень и несколько десятков «заимок» земли и пожень. Кроме того, они владели четырьмя варницами в Уне «со всем варничным заводом», 30 тонями (местами ловли семги) и другими рыбными ловищами. По писцовым книгам 1552—1553 гг., своеземцы Амосовы имели около 10 сошек земли (примерно 225 десятин), 30 тонн и 4 варницы. Но по писцовым книгам конца XVI в. они значатся уже просто «лучшими людьми», волощанами.²⁷

Не менее богаты были и своеземцы Шуйгины, которые тоже имели свои деревни в ряде низовских черных волостей и тоже были волощанами. По «дельной грамоте» 1499 г., три брата Шуйгиных — Никита, Макар и Федор — владели сельцом и 15 деревнями, к которым тянули многочисленные пашни, пожни и починки. Из позднейших же грамот, уже начала XVI в., видно, что они владели и многими рыбными тонями, и другими промысловыми угодьями. К середине XVI в. их владения несколько уменьшились, но даже в 1535 г. в волосте Уйме (в пойме Двины) Шуйгины имели 9 сошек земли (около 202,5 десятин). В писцовых книгах 60-х годов XVI в. они обычно именуются «государскими крестьянами», хотя сами еще упорно называют себя в своих купчих и духовных грамотах просто «вотчинниками» и «своеземцами». В выборных земских органах Шуйгины занимают обычно должности волостных старост и сотских.²⁸

Таковыми же крестьянами-богатеями в рассматриваемый период были и другие бывшие двинские своеземцы. И весьма показательны, что между семьями своеземцев и семьями наиболее богатых черных крестьян столь часто заключаются браки, что современному исследователю далеко не всегда удается определить социальное происхождение подобных волостных богатеев: происходили ли они из черных крестьян или из своеземцев. Социальная жизнь Подвинья XVI в. по существу ликвидировала эти различия, да и правительство упорно объявляло тех и других просто «государевыми крестьянами» — «черными волостными людьми».

Рабочая сила в крупных крестьянских хозяйствах Подвинья XVI в. Из дошедших до нас крестьянских поземельных актов и волостных разубов XVI—XVII вв. по самым различным районам

²⁷ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 265—274; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 83—91, о размерах двинской сошки см. с. 21—23.

²⁸ Носов Н. Е. 1) Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 257, 271, 278, 342—344, 353—355, 364, 365; 2) К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 91—94.

русского Поморья, а равно из писцовых и оброчных книг видно, что на землях зажиточных чернососных крестьян сидели порядчики и половники, т. е. волостные крестьяне, не имевшие своих земель и вынужденные арендовать чужие земли при условии обработки их своим инвентарем и на своих лошадях: половники из половины урожая, порядчики по условиям договора («ряда») платили за аренду деньги или отдавали долю урожая.

Судя по северным актам XVI в., отличием половников от полных волощан было то, что они не писались по волостям в государево тягло и не платили налогов (за них их вносили крестьяне-землеладельцы). Положение же порядчиков было иное. Они тоже официально не числились тяглецами, но обязаны были во время аренды вносить в волость дань, оброк и «всякие земские разубы». Иногда они уплачивали налоги вместе с владельцами земли. Все зависело от характера договора.²⁹

Арендовали землю порядчики и половники обычно на несколько лет, причем все их обязательства строго оговаривались в договоре, который обе стороны в любое время могли расторгнуть при соблюдении, конечно, соответствующих условий. В этом отношении их зависимость носила сугубо экономический характер: во время и после аренды они оставались свободными людьми. Наглядно подтверждают это известные слова Кирилла Босого, гостя и владельца деревень в Устюжском уезде, потомка двинских чернососных крестьян-промышленников XVI в., который писал в 1648 г. в своей челобитной царю: «А в наших, государь, местех живут у нас в деревнишках наших крестьяне твои государевы вольностью на урочные лета, хто на сколько лет уговоритца жить, иные на два и на три года, как кому в которых местах поживетца. А как государь, им урочные годы отойдут, и они, государь, переходят в иные деревни к иным хозяевам, а кому, государь, не поживетца, и они и до урочных лет отходят. А сильно, государь, у нас никого не держат, а живут что наймиты, а хлеб, государь, пащут на своих конях исполу: нам половина, а им другая».³⁰

Широко использовали зажиточные крестьяне в своем хозяйстве и батраков (наймитов), которых они набирали из числа волостной малоземельной или безземельной бедноты и которые фигурируют в волостных разубах под именем «пешек» (безлошадников). Они же подворники, захребетники, поскольку зачастую не имели не только своей земли, но и своих дворов и проживали во дворах своих хозяев, выполняя самые различные сельскохозяй-

²⁹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 260—261; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 187—196; ср.: Иванов П. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. — В кн.: Древности. Труды Археограф. комиссии, т. I. М., 1899, с. 436 и след.; Ефименко А. Я. Исследование народной жизни, с. 281—289.

³⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере XVII в., т. I. М., 1909, с. 134; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 260, 280, 288, 321—322.

ственные работы. Дворохозяева платили за них в волость особый «головной сбор». По своему социальному положению двинские пешки XVI в. весьма близки деревенским бобылям других районов России.³¹

Вообще наемный труд использовался в хозяйстве двинских черносошных крестьян XVI—XVII вв. очень широко, о чем говорит не только спрос на него в крупных крестьянских хозяйствах, особенно связанных с солеварением или иными промыслами, но и существование на Двине уже в это время рынка наемной рабочей силы — значительных масс деревенского люмпенпролетариата, из которого набирались «казаки» и «трудники», как именовали в Поморье наемных рабочих, используемых на промыслах и в торговле. В актовом материале XVI в. мы постоянно встречаем данные о казаках, пешках, бобылях или иных «безпашенных людях», живущих наймом: «промышляют те люди в варницах, дрова секут, а летом ходят на море, па судех наймующись» или нанимаются к крестьянам на летние сельские работы — «сено косити и рож убирати и молотити». Найти наемных рабочих не представляло в то время большой трудности: «охочих людей» в двинских волостях и на посадах было не мало. «А коли исхотят найдти наймитов, — указывается в одной из поморских грамот Ивана Грозного 1544/45 г. о наборе бурлаков для провода судов, — и они тех наймитов нанимают ваших же волостей людей полюбовно».³²

В наиболее крупных хозяйствах двинских крестьян-промышленников использовались иногда до сотни и более наемных работников. Так, по нашим подсчетам, на 4 соляных варницах и 30 рыбных тонях уже упоминавшихся нами своеземцев Амосовых в 20-х годах XVI в. было, видимо, не менее 200 наемных работников — «казаков» и «трудников».

Кроме этого, Амосовы, как и некоторые другие своеземцы (выходцы из бывших двинских бояр), использовали в своем хозяйстве труд холопов, как купленных, так и наследственных. У братьев Амосовых было, например, в 1527 г., как показывает их раздельная грамота на земли и промыслы, 80 холопов.³³ Были холопы и у крестьян-своеземцев Емецких, но у них они в основном использовались не на промыслах, а в сельском хозяйстве — «сидели по деревням», как значится в сотной грамоте Емецкого стана 1552—1553 гг.

Что касается богатых черных крестьян не своеземцев, то холопы в их хозяйствах в источниках не упоминаются. Полагаем, что их вообще не было.

³¹ Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XV вв. Л., с. 189—208.

³² Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков, с. 146 и след.; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 196—203.

³³ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 263—268; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 182—187.

Таким образом, приведенные данные о наемной рабочей силе в хозяйствах двинских крестьян-богатеев наглядно показывают, как далеко зашла имущественная и социальная дифференциация в двинской деревне XVI в.

И последний вопрос. Куда вела социальная дифференциация в русской северной деревне XVI в.: к образованию в черных волостях новых мелких феодалов или к зарождению крестьянского фермерского хозяйства — земледельческого и промыслового, использующего уже наемный труд крестьянской бедноты и батраков и тем самым носящего на себе черты раннекапиталистических отношений?

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о хозяйственном развитии двинского крестьянского хозяйства середины и особенно второй половины XVI в., о его связях с рынком, развитии промысловых коопераций, активизации крестьянской торговли отчетливо говорят о втором пути.

Другое дело, что развитие поместно-крепостнической системы в центральных районах страны, а равно и резкое увеличение налогообложения черных крестьян, вызванное Ливонской войной и опричниной, затормозили этот процесс. Появляются кризисные явления и в социально-экономическом развитии русского Подвинья, особенно низовских земель. С конца XVI в. идет активное наступление на черные двинские волости монастырей, ширится захват ими крестьянских земель и промыслов, а главное — растет стремление правительственной администрации всемерно регламентировать жизнь черносошного крестьянства, прикрепить крестьян к волости и в интересах тягла создать условия, затрудняющие имущественное расслоение деревни.

И все же столь отчетливо проявившееся в XVI в. социальное расслоение в северной деревне не прекратилось, оно идет лишь иными темпами (они стали более замедленными) и в иной форме. Мы имеем в виду стремление крестьянской верхушки вырваться из черносошного волостного мира и переселиться на посадки, где в новых условиях было больше возможностей для хозяйственного предпринимательства и торговли. Не случайно многие двинские крестьяне-богатеи, как Амосовы и Шуйгины, становятся в XVII—XVIII вв. известными архангелогородскими промышленниками и купцами или перебазируются, как Босые, в новые промышленные районы Приуралья.

Таковы те проблемы и вопросы, которые неизбежно возникают перед исследователями по мере изучения актовых источников по истории Русского Севера XVI в. Многие из них требуют дополнительной проверки, уточнения, а в ряде случаев и поиска иных, более подтверждаемых источниками решений. Но мы уверены, что именно северные актовые источники XV—XVII вв. по мере их введения в широкий научный оборот послужат надежной источниковедческой базой для научного поиска.